

УДК 37:004

К. Н. Костюк

*Издательство «Директ-Медиа»,
Москва, Российская Федерация
e-mail: kkostjuk@directmedia.ru*

DOI: 10.15372/PEMW20160406

Kostiuk, K. N.

*Publisher Direct-Media,
Moscow, Russian Federation
e-mail: kkostjuk@directmedia.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка обоснования понятия экспертного и профессионального сообщества, понимаемого как социальная и информационная среда эффективной профессиональной деятельности в современном информационном обществе. Выявляются черты принципиального отличия экспертных сообществ от профессиональных групп и классов в традиционном понимании, черты их социальной идентификации, условия воспроизводства и институционализации. Центральным условием возникновения и функционирования экспертных сообществ является создание качественной информационной среды, оперативного и полноценного доступа к знаниям и информационному потоку, генерируемому внутри каждой профессии. Эти задачи решаются разработкой профессиональных контентных систем, которые в цифровой среде берут на себя функции структурирования и адаптации всей профессиональной информации. Тесная взаимосвязь профессии и ее информационного обеспечения ставит вопрос о методах улучшения качества экспертных сообществ как одного из ключевых направлений модернизации российского общества.

Ключевые слова: экспертное сообщество, профессиональное сообщество, качество образования, институты развития, цифровая революция, информационные ресурсы, электронно-библиотечные системы, информационное обеспечение науки и экономики.

Для цитаты: Костюк К. Н. На пути к информационной компетентности экспертного сообщества Ч. I. // Профессиональное образование в современном мире. Т. 6. 2016. № 4. С. 608-619/
DOI: 10.15372/PEMW20160406.

Abstract. The article attempts to specify the notion of expert and professional community as a social and information medium of effective professional activity in the modern information society. The author highlights specific difference between expert communities and professional groups and classes in their general meaning, features of their social identification, conditions of their reproduction and institutionalization. It is of no question that the main condition of functioning of expert communities is creating a high quality information medium and efficient knowledge exchange within a particular profession. This task is solved by developing professional information content systems that bear all the functions of organizing and adaptation of all professional data in the

digital medium. The close interconnection between a profession and its information support puts forward a question about the methods of expert communities' improvement as one of the ways of Russian society modernization.

Key words: *expert community, professional community, quality of education, institutes of development, digital revolution, information resources, digital library systems, information support of science and economy.*

For quote: *Kostiuk K. N. [Towards the information competence of expert community. Part. I]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 2016, Vol. 6, no. 4. pp. 608-619. (in Russ). DOI 10.15372/PEMW20160406*

Введение. Методология и методика исследования. За последние десятилетия всем нам пришлось пережить ряд разочарований, связанных с теми областями нашего национального достояния, которыми всегда было принято гордиться, – нашими знаниями и интеллектуальным развитием. Действительно, мы без скромности гордо носили звание «самой читающей нации», отчитывались в 100 % грамотности, в то время как даже самые продвинутые страны фиксировали от 2 % до 5 % неграмотности. На Советский Союз приходилось 25 % патентов в мире, а наша армия ученых составляла 4 млн [1, С. 482–502; 2, 3].

Все это в мгновения стремительно обесценилось, если не сказать обнулилось. Многие параметры, по которым мы били рекорды, выглядят сегодня удручающе. Речь уже идет о звании самой «нечитающей» нации: в стране всего около 1000 книжных магазинов – это 1 магазин на 100 000 жителей, в то время как в европейских странах на 100 000 жителей приходится 5-8 магазинов [4, С. 50; 5, С. 46]. Количество открытий и патентов снизилось до скромных 2,9 %, а число ученых сегодня составляет не более 400 тыс. человек. К примеру, по количеству выданных патентов Россия занимает 7 место, однако по патентной активности граждан – только 22. При этом лишь 2,9 % патентов из общего числа получены не в России [3, С. 58; 6, С. 24–28]. Если ключевой показатель научной производительности нации – доля статей в мировом потоке научных публикаций – в 80-х гг. составлял 7,1, то сегодня президентом поставлена задача довести его до уровня 2,44 % (Web of Science). И вся страна мобилизована на его повышение. Но он, тем не менее, продолжает падать, дойдя до уровня 2,1 % в 2013 [7, С. 7].

Реальную картину определяют, конечно, не статистические цифры. Мы видим, что индустриальный и интеллектуальный уровень стран бывшего второго мира оказался дутым наподобие финансовых пузырей, приводящих к неминуемому краху. Если во внимание брать не абсолютные цифры, а динамику падения за 25 лет, то глазам предстанет серьезная социально-интеллектуальная деградация, хотя за ней стоит не реальная деиндустриализация, а переформатирование изжитых индустриально-бюрократических институтов советского типа с их экстенсивным количественным подходом в более современное общество постиндустриального типа. Тем не менее после произведенных рыночных реформ и базового восстановления экономики и инфраструктуры международные инвестиционные капиталы потекли не в страны второго мира, а в страны азиатских тигров. Коммунистический Китай, не поменявший политическую систему, не обладающий системой всеобщего образования, освоил все эти капиталы и переварил в форму динамично растущего и процветающего государства. Многие же государства бывшего советского лагеря постепенно заняли последние строчки мировых рейтингов национального развития и благосостояния: такие страны, как Таджикистан, Киргизстан, Армения, Молдавия, Украина, Грузия демонстрируют беднейший уровень по меньшей мере на европейском континенте. Те же, кто чувствуют себя лучше, в том числе Россия, Азербайджан, Казахстан и др., обязаны этим, как правило, своим недрам, но едва ли индустриям добавочной стоимости. Если страны клуба БРИК, принадлежностью к которому Россия по праву гордится, выстроить по шкале возраста модернизации, то Россия окажется в нем трехсотлетним старцем рядом с «молодежью» возраста 50–80 лет (Бразилия, Индия).

Эта картина воспроизведена не для того, чтобы в очередной раз посетовать на коррумпированные политические элиты, а для того чтобы указать на истинную причину – недостаточность интеллектуальных ресурсов нашей нации, качество ее экспертных сообществ. Это экспертные сообщества, а не партократы порождали иллюзии вместо того, чтобы оценивать реальную силу и потенциал страны, это они формировали повестку дня, определяли приоритеты и направляли ресурсы в политике, экономике, культуре. Партократы, номенклатура, интеллигенция, ученые, управленцы – это лишь иные названия тех реальных акторов в лице экспертных сообществ, которые получили власть в эпоху белых воротничков, или, словами Дж. Бернхема, в результате «революции менеджеров» [8].

Теоретики постиндустриализма, Д. Белл и Дж. Гэлбрейт [9; 10], провели четкую черту, которая отделяет общества, управляемые властью и традицией, от обществ, управляемых компетенциями и знаниями. В современных обществах не «царствуют» и даже не «правят», в них «принимают решения». Принятия решений опосредованы экспертными процедурами, инфраструктуру которых Белл называет технократией, или «меритократией». Не взирая на произвол диктаторов или волю демократических масс, функциональность современных обществ зависит от качества его экспертных сообществ. А поскольку в обществе знаний практически все области деятельности являются предметом применения знаний, этот вопрос приобретает ключевое значение во всей проблематике общественного и политико-экономического развития.

Хотя об информационном обществе и экспертном сообществе написано немало, роль последнего, как правило, освещается так, что не позволяет обратиться к нему вопрос об ответственности. Эксперты, профессионалы – это факт и данность, а не ценность и задача. Теоретики левого толка критикуют институты власти экспертократии, теоретики консервативного толка разоблачают космополитизм интеллектуалов, нашедших здесь свое укрытие [11]. Страны, в которых профессионализм и ученость в дефиците, вынуждены смотреть на это иным образом. Достоинство и качество профессионального сообщества – огромная ценность, достигаемая колоссальным трудом всей нации. И иронизировать здесь излишне. Это основополагающий вектор национального развития, который, однако, сам является продуктом экспертного сообщества. Качество этого продукта проявляется в том числе в наличии экспертизы – в том, как экспертное сообщество способно конструировать само себя, как оно само себя оценивает и что оно способно предпринять для собственного роста. Эти знания нужны в первую очередь для тех, кто обслуживает работу профессиональных сообществ, создает инфраструктуру их информационной среды. В настоящей статье я постараюсь поставить этот вопрос и по мере сил на него ответить.

Результаты. Что такое экспертное сообщество? Доктрины «информационного общества» и «общества знаний» – два подхода, которые далеко не во всем сопрягаются между собой [12, С. 43]. Об информационном обществе мы говорим как о социально-экономической характеристике постиндустриальных обществ, в которых знание становится сырьем, а именно информацией, и опосредует жизнедеятельность общества во всех ключевых областях. «Общество знаний» – термин, возникающий из персоналистической перспективы, как общество, условием жизни и преуспевания в котором является постоянный процесс самообразования. Знание – ценность, информация – ресурс. Информация не может быть «истинной», а знание не может быть «неистинным». Информация измеряется битами и потоками, а знание – опытом и мудростью. Одно не переводится в другое.

Тем не менее из личностной перспективы информация и знания имеют единую ось. Информация – это возможность получения знания, знание – это качество усвоения информации. Без доступа к информации, без включенности в информационные потоки не будет знания. Получение знаний и доступа к информации составляют основу приобретения личной профессии. Каждый знает, какие за этим стоят затраты и труд. Интеграция личности в современное общество не дается сама собой, она подразумевает следование

многолетней траектории развития, которая получила название карьеры, в обязательном порядке включающей в себя образование. В информационном обществе понятие профессии получает новый смысл и содержание по сравнению с традиционным обществом. Прежде иметь профессию – означало иметь ремесло и было уделом немногих. Сегодня отсутствие профессии практически обрекает любого человека на девиацию. Все социальные лифты современного общества так или иначе связаны с профессией. А обретение профессии подразумевает долгий путь обучения и практики, требует персональных достижений и постоянной работы над повышением квалификации. Знания являются не просто условием профессионализма, но и мерилем «экспертного» уровня профессионала. Эксперт – знаток, профессионал, признанный в своем сообществе. Профессия получает универсальный характер и становится нормой, если не необходимостью, как только индивид проникается идеологией личностного и общественного роста.

Из перспективы социального интереса, напротив, информация является сырьем и продуктом общественной коммуникации, а знания – возможностью ее усвоения. Насколько эта возможность реализуется, общество тестирует проверкой на профессиональную компетентность. Современное либеральное общество не претендует на обладание критериями истинности познаний, оставляя это в компетенции личностной перспективы. Поэтому оно занимается не «распространением знаний», а лишь обеспечением полноты движения информационных потоков. Общество несет ответственность за информационную инфраструктуру, которая не должна допустить социально-информационных разрывов и призвана обеспечивать всем информационное равенство. Это в корне различается с позицией традиционного общества, стремящегося строить социум на фундаменте общепризнанной или религиозной истины. В то же время вовлеченные в глобальную конкуренцию локальностей, современные государства ужесточают требования к знаниям и компетенциям каждого гражданина. Условия получения государственной должности, взаимодействие с экономическим обществом, порядок формирования рынка труда предполагают профессиональную аттестацию и вовлекают государство в режим создания «общества профессионалов». Имея в виду систему налогообложения и структуру обязательств государства, каждый гражданин рассматривается или как некий «профессионал» или как обладатель «допрофессионального» или «постпрофессионального» статуса. Именно два последних статуса предусматривают основной объем господдержки, которая зиждется на его потенциальных обязанностях «профессионала».

Таким образом, как из личностной, так и из социальной перспективы «быть профессионалом» является безальтернативной судьбой индивида. Конечно, все еще можно быть «никем», хотя бы домохозяйкой, но тогда встает вопрос о полноценности гражданского бытия, остроту которого каждый в финансовой, юридической или физической плоскости ощутит на себе сполна. Всеобщность профессии вытекает из социальных принуждений, сопротивление которым потребует высокую цену. Быть профессионалом – модус бытия, к которому привело человека историческое развитие.

Общество состоит из профессионалов, точнее из профессиональных сообществ, которые я в настоящей статье отождествляю с экспертными сообществами и ниже объясню почему. Говоря о «сообществах», указывают их социальную стратификацию, которая для современного общества также безальтернативна. Сообщество подразумевает группу, круг знатоков своего дела, которые обеспечивают внутреннюю коммуникацию профессионалов между собой, осуществляют воспроизводство и жизнедеятельность профессиональных субкультур. Не секрет, что сегодня профессиональная идентичность заступила на место многих иных базовых идентичностей. Французский профессор по биогенетике признает принадлежащим к «своему кругу» любого иного профессора по своей дисциплине в большей мере, чем просто соплеменника или сверстника. Подобная сплоченность уже реализовывалась в истории в виде средневековой цеховой корпорации. Однако если профессиональность в средневековом городе оформлялась в институционально-организованные «клубные»

привилегии и обязанности, то современные города структурируют профессиональные сообщества, отделяя друг от друга не цеха, а компании. И уже как сетевые структуры, для которых корпоративные границы обладают известной прозрачностью, современные профессиональные цеха пронизывают собой все общество. Единство профессиональных сообществ является смысловым и коммуникационным. Оно базируется не на формально-юридических статусах, а на общественно признанных компетенциях, на знаниях и репутациях. В основе авторитета профессиональных корпораций лежит верховенство знания в его священном гностическом смысле. Несмотря на высокую степень дифференциации этих сообществ, их внутрикорпоративная структура имеет сугубо этико-нормативный характер. Известный юрист формально не отличается от неизвестного юриста, признанный врач – от непризнанного. Внешние регалии могут даже отвлекать и отводить глаза от истинной субординации, хотя борьба внутри профессиональных сообществ постоянно направлена на закрепление репутационных преимуществ в формальных знаках. В профессиональное сообщество невозможно входить автоматом: те, кого можно квалифицировать как «ремесленника», те, кто не вкладывается в свое развитие, принадлежат такому сообществу только номинально.

Устоявшееся разделение на профессионалов и экспертов, определяющее одну категорию по принадлежности к профессии, а другую – по обладанию углубленным качеством профессиональных знаний, было свойственно индустриальной эпохе и постепенно теряет смысл. Подразумевается, что спектр профессий гораздо шире, чем спектр экспертных занятий. Экспертиза (лат. *expertise*) как акт исследования и оценки, на который ссылается понятие эксперта, подразумевает узкую практическую область, находящуюся ближе к научной, чем к профессиональной. В постиндустриальном и информационном обществе это не так. Экспертные сообщества сегодня охватывают гораздо более широкий круг занятий, чем прежде. Это все те, чья деятельность в своем осуществлении предполагает определяющую роль знаний и компетенций. Поскольку изменились само понимание и функция знаний, то в функциональную сферу экспертных сообществ сегодня входят специальности, которые ранее никак не были связаны с науками и знаниями. Сама атрибутика профессии как таковой отныне завязана на информационной компетентности. Тем не менее основополагающие экспертные области можно перечислить. *Во-первых*, это сфера науки и образования, ядро которых – университетское и академическое сообщества. *Во-вторых*, это сфера отраслевой и прикладной науки, связанная с производствами и услугами, – это эксперты-практики. *В-третьих*, это класс государственных служащих, бюрократии, как бы широко он ни трактовался. *В четвертых*, это категория всех лиц, принимающих решения, т. е. топ-менеджмент и менеджмент в государственных и общественных организациях. *Наконец*, это люди творческого труда и мастерства, профессионально-ремесленные сообщества в традиционном смысле. Каждая из этих категорий предполагает весьма выпуклую специфику организации и жизни сообщества, если не сказать особую субкультуру. Возможно, эта классификация может быть расширена эмпирически: к примеру, образуют ли профессиональное сообщество преступники, ведь многие из них являются носителями специфических знаний и уж тем более обладают профессиональной субкультурой? Не все, кто принадлежат к экспертным сообществам, получают университетское образование, но все, кто получает университетское образование и работают по профессии, принадлежат к экспертным сообществам. Экспансия этого феномена коренится в новом союзе экономики и коммуникации, который стратифицирует в сетевых сообществах любой вид активно-компетентной деятельности. Специализированные сообщества образуются из военных и хакеров, из священников и космонавтов. Но не каждый знаток своего дела, разумеется, становится членом какого-либо профессионального сообщества. Ни домохозяйки, ни рабочие, ни охранники, ни даже крестьяне, если таковые остались, не являются участниками экспертных профессиональных сообществ, коль скоро их деятельность не замыкается ни на какую информационную потребность или уникальное умение. Хотя и в среде домохозяек может возникать профессиональная компетентность, если воспитание детей осуществляется с душой и с использованием педагогической науки. Это пример неразрывности

персоналистически-социальной природы эксперта, вытекающей из амбивалентности отношения к знанию: невозможно *заставить* познать, знание можно только «усвоить».

Ни для элит, ни для субкультур, ни для сетей и клубов не характерен этот приоритет квалификации и опыта, положенного в основу идентификации экспертных сообществ. Для представителя экспертного сообщества также принципиально важно, что никто иной не способен профессионально выполнять задачу без глубокой предварительной подготовки. Так понятные экспертные сообщества способны раскалывать реальные социальные группы, складывающиеся из знатоков своего дела и любителей/«ремесленников». Среди военных экспертами едва ли можно назвать необученный младший рядовой состав. Среди верующих в церкви знающими свое дело можно назвать только тех, кто глубоко знает основы вероучения и осознанно ходит в церковь, а не просто священников, в отличие от мирян. Среди рабочих специальностей экспертами могут быть те, кто работает со сложной аппаратурой, а не представителей простого физического труда. Все это показывает, что стратификация по принципу экспертных сообществ представляет собой непростую социологическую задачу.

Для правильной постановки вопроса следует отличать среду формирования профессиональных знаний и компетенций, т. е. систему образования общества, от среды воспроизведения и поддержания профессиональных компетенций, которая реализуется всей экономической деятельностью общества. Качество образования не связано непосредственным образом с качеством работы экспертных сообществ, хотя их взаимосвязь глубока. Лакуны между получаемым образованием и необходимыми в экономике компетенциями болезненным образом отражаются на жизни профессионального сообщества, заставляя последнее организовывать «дообучение» на местах. Тем не менее в задачи профессионала никогда не входило требование постоянно учиться, а в задачи профессионального сообщества не входило необходимости выстраивания собственных систем образования. Изменение этой ситуации маркирует сглаживание границ между «учеником» и «экспертом», между стадиями обучения и стадиями профессиональной жизни каждого гражданина.

Ключевое отличие современной эпохи от прежних времен заключается в информационной революции, и это именно та революция, которая способна все перевернуть в мире профессиональных сообществ. Знания и практика – та основа, которая закрепляла принадлежность к профессиональной корпорации в прошлом. Для того чтобы быть профессионалом, достаточно было уметь зарабатывать своим ремеслом на жизнь. Чем более узка специализация, тем стабильнее и теснее было профессиональное сообщество. Общество знаний, напротив, характеризуется постоянным изменением информационной ситуации в своей отрасли. Оно характеризуется высокой динамикой новостей, изменений, динамикой сопряжения смежных областей знания, соответственно, границ профессиональных сообществ. Специалист не просто должен быть «всегда в теме», он должен постоянно осваивать проблемы «смежных» специальностей. Информационные объемы знаний все более перерастают человеческие возможности их «вместимости». Если для классического специалиста требовалось освоить профессиональную базу своих знаний, то современное образование вынуждено постоянно отступать от базы, обучая специалиста все менее основам, а все более – навыкам самостоятельного быстрого овладения предметом. Профессия обрела «темпоральное» измерение – тот, кто выпадает из нее на несколько лет, уже может не вернуться. Кто не знаком с актуальной литературой по своему предмету, уже не считается экспертом.

Разумеется, не от всех специальностей требуется подобная мобильность, и потребность в информации имеет очень различные объемы. В реестр необходимых элементов можно добавить обладание талантами и способностями, физические и психологические данные, коммуникативные и иные компетенции. Тем не менее тот скачок, который должен осуществить человек-профессионал, перепрыгнув в новый век, в большинстве

случаев очевиден: заметно расширяется его инструментарий, углубляется зависимость от источников информации и внешнего контекста, меняется его системное место в ряду профессиональных связей. Простой маляр должен обладать знанием новых материалов и технологий покрытий, иначе окажется неспособен осуществлять свои профессиональные услуги. В ответ на невозможность охватить все углубляется профессиональная специализация. Сферы компетенций здесь можно определить лишь из внутренней перспективы комплексности профессии: требуется ли углубленное овладение этим конкретным предметом или это задача иного специалиста.

Принципиальный момент заключен в специфике информационных потребностей современного специалиста. Об информационном обществе можно сказать так: если раньше специалист был в ряде случаев самодостаточен и способен самостоятельно поддерживать свои функциональные способности благодаря мастерству, то сегодня мастерства недостаточно – любому профессионалу необходим информационный обмен, приток информации, связующая нить с его профессиональным сообществом. Изолировать эксперта означает сегодня лишить его этого статуса. Приостановить его постоянное саморазвитие и карьеру означает начать понижать его квалификацию. Есть еще одно следствие: эксперт дорог не сам по себе как носитель своих компетенций, дорогим является его экипировка – информационные и коммуникационные ресурсы, к которым он должен иметь доступ и которыми раньше можно было пренебречь.

Однако знаниями и доступом к информации дело не ограничивается. Важны функциональные требования, предъявляемые к профессионалу в обществе вообще и в сообществе в частности. И здесь встает вопрос о качестве экспертных сообществ. Сообщества, в которых их членам не предъявляются требования постоянного внутреннего роста, в которых постоянная внутренняя коммуникация не является ежедневным насущным требованием, в которых не происходит никакой аттестации квалификаций и ротации репутаций, в которых не осуществляется перманентного углубления специализации, – эти сообщества спящие, законсервированные. Качество экспертных сообществ отражается в производительности труда, фиксируемого на национальном уровне, в профессиональных рейтингах, рассчитываемых внутри и вовне корпорации. Если профессор современного университета не ведет активной публикационной деятельности, не руководит рядом исследовательских проектов, не является публичной фигурой, не выступает в качестве продюсера экспертных мероприятий, не замечен среди авторов научных патентов или зачинателей самостоятельных доктрин – этот профессор номинальный и тянет свое экспертное сообщество вниз. Он неконкурентоспособен по отношению к своим коллегам в зарубежной среде. Экспансия экспертных сообществ – это форма углубления конкуренции и повышения производительности труда, которая способна многократно повышать потенциал личностной мотивации и призвана выкачивать из индивида пределы его возможностей. Восхождение по карьерной лестнице выжимает у современного молодого человека каждую минуту его существования на протяжении многих лет. И проигравший в этой гонке теряет все – и деньги, и статусы, и репутацию. Правильно организованное экспертное сообщество ставит индивида в условия, в которых он не может уклониться от выполнения жестких требований, от постоянного усилия и труда. Оно же формирует ряд барьеров, которые погружают растущего профессионала в постоянное соревнование за новыми достижениями, а на деле преследуют лишь цель простого профессионального выживания.

Информационные источники экспертного сообщества. Основой работы экспертных сообществ является знание. Это влечет за собой тесную зависимость экспертных сообществ от информационного материала. Без полноценного информационного снабжения эксперт не может функционировать. Функция информационного обеспечения экспертных сообществ возлагается на профессиональные контентные системы.

Профессиональные контентные системы – это информационные ресурсы, по своей цели, содержанию и качеству призванные обеспечивать полноценный информационный доступ профессионалов к необходимым

знаниям [13, С. 95]. Долгое время профессиональные контентные системы базировались на единственно доступном бумажном носителе: профессиональной прессе и книге. Именно в этой сфере изменения цифровой революции особенно очевидны. Цифровые профессиональные контентные системы стали мультимедийными по своему характеру, более сегментированными и информационно наполненными. Не только Интернет, но и цифровые каналы телевидения, радиовещания стали носителями узкоинформационной информации. Возможности обработки данных породили целый комплекс информационных сервисов, недоступных ранее. Это повлекло за собой значительное усложнение этих систем. А информационный переизбыток остро поставил вопрос о финансовых ресурсах для доступа к этим системам и о необходимости их качества.

Сегодня контентные системы, обслуживающие науку, сферу бизнеса, права, образования, представляют собой комплексные информационные ресурсы, в первую очередь глобальные и международные, предоставляемые по сетевым каналам и создаваемые крупнейшими мировыми разработчиками. На передний план выходят такие глобальные игроки информационного рынка, как Thomas Reuters, Elsevier, Springer и др. (в отличие от Apple или Amazon, обслуживающих потребительский рынок). Рост международных компаний привел к кризису национальных издателей, основывающихся на традиционных носителях, и это создает серьезную проблему для развития контентных систем. Чтобы предвидеть изменения, происходящие на информационных рынках, важно понимать, какова структура потребности экспертных сообществ в информации, просто говоря: какая информация будет нужна?

Попробуем описать базовые информационные потребности обычного эксперта. Каждый эксперт внутри своей предметной области нуждается в 1) краткосрочной новостной информации; 2) детальных практических сообщениях коллег и в профессиональной периодике, предоставляемых в форме статей; 3) углубленной информации, содержащейся в монографиях и справочниках; 4) специальной информации, формируемой для каждого рынка отдельно, будь это специализированные базы данных, архивы, документы или информационные формы иного рода. В поиске этой информации эксперт постоянно контролирует доступные ему каналы. Кратко о каждом из них.

1. Формы новостной информации необходимы везде, где происходят динамичные изменения. Законодательство, бизнес, взаимодействие с государством – сферы, где надо постоянно следить за новостной строкой в силу самой профессиональной специфики. Здесь необходима профессиональная пресса или заменяющие ее информационные ресурсы, отслеживающие изменения в режиме онлайн. Эту роль выполняют крупные базы данных (например, биржевые индексы или сервисы наподобие Bloomberg), а также публичные масс-медиа, ориентированные на широкие профессиональные сегменты (например, журналы Economist, Focus).

2. Ресурсы профессиональной периодики собирают научные и отраслевые сообщения, представляющие собой своего рода публичные отчеты специалистов о своих исследованиях и деятельности. Наиболее институционализированными здесь являются статьи в научных журналах, на которые завязаны все наукоемкие области SMT (наука, медицина, технологии). Но в этой же нише помещаются научно-популярные статьи, практические отчеты, полурекламные презентации и иные формы экспертной коммуникации, в т. ч. все, что объемлет в себя профессиональная периодика. Центральная роль этого медиума повышается потому, что именно статья с ее выработанным механизмом взаимного цитирования и библиометрии становится мериллом эффективности научной деятельности. Эти ресурсы перетягивают на свою сторону основную массу информационного рынка специалистов.

3. Тем не менее указанные каналы получения информации не могут исчерпать собой все информационные источники профессиональных сообществ. Безусловно, необходимая и неустаревающая форма научной

коммуникации – книга, научная монография, учебник. Здесь обобщаются и детально формулируются целые области знаний. Книга в силу значительного информационного объема позволяет то, что не в силах сделать статья: систематически и углубленно изложить предмет. В целях профессионального образования она незаменима. Но она востребована и в своем литературном качестве, формируя сегмент научно-популярной, деловой, справочной литературы. Считается, что профессиональный книжный рынок крупнее рынка профессиональной периодики. Чем более мобильна информационная среда, тем более мельчает ее формат. Помимо целей обучения крупный формат в целом не очень востребован. Впрочем, в категорию меганарративов могут войти и новые цифровые форматы, например, онлайн-курсы. Цельные тематические информационные ресурсы меняют формы, уходя из книги, например, превращаются в специализированные сайты, на которых можно находить ответы на многие комплексные вопросы.

4. Четвертый тип составляют разнообразные источники информации, но прежде всего это базы данных, собирающие широкий информационный срез, и ИТ-платформы, обеспечивающие новое качество и количество информационного продукта. База данных по законодательству, архивы документов, справочники, коммуникативные сервисы, специальные репозитории. Каждый из них старается стандартизировать информацию и уложить ее в информационную матрицу, которой можно пользоваться как новым объектом. Именно здесь сосредотачивают свои инновации ИТ-технологии. Если три предшествующие формы ориентированы на восприятие готовой информации, на профессиональную издательскую обработку контента, то в этом сегменте сплошь и рядом информационные ресурсы формируются самими пользователями. Википедия не является в строгом смысле профессиональным, скорее смежным продуктом, но она иллюстрирует этот подход. А там, где падает роль профессиональных разработчиков, стремительно растет доля коммуникации сетевых пользователей. Профессиональные и полупрофессиональные форумы и социальные сети – реализация коммуникационной активности пользователей.

Главное призвание профессиональных контентных систем – содержать критерии противопоставления профессионального и непрофессионального знания. Специалист должен понимать, чем отличается одно от другого, почему последнее не может использоваться в профессиональной деятельности. Ученый не может использовать ссылки на Википедию или на Интернет, хотя их информационный объем богаче, а должен указывать атрибутированные источники профессиональных контентных систем (например, при цитировании литературы), хотя последние зачастую гораздо беднее по содержанию. Отличить профессиональный и непрофессиональный контент оказывается не так просто. Системы Web 2.0 обходятся без профессиональной модерации, в то время как профессиональные ресурсы, как правило, ее обеспечивают. Непрофессиональный Интернет, как правило, предоставляет открытый и бесплатный доступ, в то время как профессиональные ресурсы стремятся работать на платной основе. В создании свободных ресурсов имеет право участвовать каждый, в то время как профессиональные ресурсы, как правило, внедряют профессиональные ограничения, цензы и фильтры. Тем не менее во всех этих случаях имеются исключения. Зачастую не так просто решить, с каким ресурсом имеешь дело, с профессиональным или непрофессиональным. Какой-нибудь сайт по психологии создается профессионалом с сугубо профессиональным контентом. Но книги лежат на нем нелегально, контрафактно, соответственно, сайт, противоречащий законодательству, в профессиональную контентную систему не может быть включен.

Если огромный объем профессиональных знаний скапливается в сегменте Web 2.0, нужны ли в таком случае профессиональные контентные системы или они избыточны? Широко распространено мнение и, кстати, именно среди профессионалов и административных работников учебных и научных учреждений, что в «Интернете доступно все», в том числе и профессиональный контент. Это заблуждение выявляет то, что на профессиональном контенте паразитируют не только так называемые пираты (они же энтузиасты-

электронные библиотекари), но и профессионалы-пользователи. Излишне говорить, что в подобных случаях качественный контент, как правило, был изъят из профессиональных контентных систем и помещен в псевдо-профессиональный. Кроме того, когда администраторы от науки не направляют средства на приобретение профессиональных ресурсов, а ориентируют на псевдоресурсы, разработчики профессионального контента страдают дважды.

Однако и в случае самых добропорядочных намерений системы профессионального контента живут в тени свободного Интернета и страдают от недостатка внимания. Нередко оказывается, что даже при наличии доступа в организации специалисты игнорируют ресурс, пользуются им мало, не используют все заложенные в нем возможности. Именно здесь прячется один из ключевых критериев качества не только контентных систем, но именно экспертных сообществ!

Разумеется, причина может лежать в качестве контента или платформы, в том, что данный ресурс не нужен. Однако подлинная причина слабой востребованности и неразвитости профессиональных контентных систем заключается в другом. Высокие требования к качеству контента могут исходить только от экспертных сообществ с высоким уровнем качества. Ниже мы углубимся в эти критерии. Пока же обозначим условия, когда и почему приоритет должен быть отдан профессиональным ресурсам перед непрофессиональными.

Вопрос так поставлен потому, что сегодня свободный Интернет играет роль символа и основного пространства всех сетевых коммуникаций. При этом базовые сервисы открытого Интернета служат «окном входа» в Интернет вообще: глобальные поисковики, глобальные сервисы онлайн-почты, глобальные агрегаторы – это магистральные трассы в пространстве Интернет. Google, Bing, Yahoo, Yandex – сервисы, притянувшие на себя огромную долю всего интернет-трафика. Информационный поиск начинается с интернет-поисковика, и в этом едины и ученый, и студент, и профессор. Уже в силу этого факта Интернет «первичен» перед профессиональными контентными системами. Более того, любые сетевые контентные системы мыслятся как «часть», «сегмент» Интернета. В них заходят только после того, как что-то *не найдут* в интернет-поисковике.

Эта картина доминирующая, но не совсем верная. Точнее, она скрывает то, что под понятием Интернет понимают не технологическую сеть коммуникации, а сеть открытых ресурсов, которая на самом деле ограничена охватом интернет-поисковиков. Еще недавно, на заре Интернета, помимо локальных сетей, существовало множество глобальных сетей (например, FidoNet). Интернет вытеснил их, предоставив единую технологическую площадку интеграции самых разных типов сетей. Все сети доступны через Интернет, иначе они не глобальны, а только локальны. Это, однако, не относится к *контенту сетей*. Многие из сетей-сегментов Интернет закрыты от интернет-поиска, например, Фэйсбук, I-tunes (Apple), не говоря уже о профессиональных контентных системах. Подобные закрытые глобальные сети образуют свою экосистему и являются самодостаточными, даже если вход в них осуществляется через Интернет (Deep Web). Поисковики являются лишь одной, хотя и базовой, навигационной сетью Интернет. Им недоступен не только закрытый, но и просто глубоко спрятанный или неудобный контент Интернета. Web-компании бьются за то, чтобы поисковики вообще могли обеспечить поиск по их сайтам, порождая рынок SEO-продвижения сайтов. Сказанное заставляет полностью переоценить структуру построения Интернет. В отношении контента Интернет – не дерево с доступом ко всему, а дерево с массой «черных ящиков». Образно говоря, это виноградник, где каждая кисть – самостоятельный контентный ресурс. Лишь некоторые, самые раскрученные из них, при условии глубокой интеграции с поисковиками, доступны и прозрачны. Многие же, и это прежде всего профессиональные контентные системы – недоступны и непрозрачны.

Когда мы поймем это, легко представить, что самые ценные сокровища Интернет могут быть спрятаны в этих нишах. По мере перехода масс-медиа в пространство Интернет и профессионализации ресурсов так и будет

происходить. Роль поисковиков будет локализовываться. И уже завтра те, кто пользуется профессиональным контентом, поймут, что для них общий интернет-вход является вторичным, не главным.

Одна из причин того, что этого еще не произошло, заключается в том, что первые три категории профессиональной информации традиционно разрабатывались на рынках твердых носителей, в бумаге. До сих пор большая часть профессионального потребления контента приходится на бумагу. По мере перехода на цифру это будет становиться все более очевидным. Вообще говоря, профессиональные контентные системы в своей сущности традиционны и консервативны. Они – гость в инновационном пространстве Интернета. М. Кастельс отмечал особую роль хакерского сообщества, «копилефтную» миссию, которая была присуща ему в эпоху становления [14, С. 65]. Профессиональные системы, приходя в Интернет, с большим трудом преодолевают барьеры традиции и приживаются в чужом доме.

Следы того, что цифровая форма является вторичной, слепком с бумажной формы в профессиональном контенте, проявляются в том, что механизмы электронной публикации, цитирования и авторизации контента до сих пор остаются привязанными к традиционным формам бумажной публикации. Основным элементом атрибуции публикации – журнал, книга и их библиографическое описание. При цитировании требуется указание печатных страниц цитаты. Если библиографическое описание электронного журнала или книги вполне идентично с бумажным изданием, то способ идентификации издания совершенно иной: указывается уникальный URL адрес расположения файла и фиксируется время доступа. Научное сообщество до сих пор не определило своего отношения к электронной публикации и не разработало технологии цифрового цитирования (для этого служит система идентификации DOI, однако спектр ее использования остается ограниченным). Если издание бумажной книги – материальный факт, то электронное издание – факт виртуальный. Интернет-сайты имеют тенденцию меняться, исчезать. Еще один нонсенс электронной атрибуции – когда страницы цитаты привязывают к сугубо бумажной форме отображения текста. Функция электронного поиска по произведению делает указание страниц излишним.

Разумеется, научный текст должен подпадать под процедуры проверяемости. Публикация должна обладать свойствами факта, неотменяемости. Электронная книга незащищена перед произвольными изменениями и «переизданиями». Возможно, бумажное издание электронной книги в будущем будет служить неким документом книги, который будет регистрироваться в архивах обязательных экземпляров. Однако еще важнее, чтобы в системе верификации научных текстов были обеспечены юридические гарантии выпускающей институции. Отсутствие таких гарантий делает свободный Интернет абсолютно непригодным для целей научной коммуникации. Отсюда вытекает одна из ключевых функций профессиональных контентных систем – предоставление подобных гарантий, возможности верификации текста даже через столетия после его выхода.

Выводы. Когда электронная публикация станет первичной, а не слепком с печатного оригинал-макета, как сейчас, тогда и система издательской продукции и дистрибуции, а не Интернет-поисковик, станет первичной для всех, использующих эту продукцию. Тогда и решительно упадет угроза пиратства. Профессиональные контентные системы обособятся от всех иных типов ресурсов, представленных сегодня в Интернет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Авдулов А. Н., Кулькин А. М.** Научная деятельность в России накануне распада СССР // *Философские исследования*. 1993. № 4.
2. **Мендюкович Н.** Русская наука до и после 1991 года // *Золотой Лев*. 2007. № 125–126.

3. **Карпов Е.** Статистическое исследование патентной активности в России и странах мира: дисс. ... канд. экон. наук. М., 2014.
4. **Книжный рынок России.** Отраслевой доклад. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. М., 2015.
5. **Горбунов А. В.** Книжный рынок России, Украины и Беларуси сегодня // Университетская книга. 2015. № 5.
6. **Архипова М. Ю., Карпов Е. С.** Исследование мировой патентной активности // IV Международный научно-практический форум «Инновационное развитие российской экономики». М.: МЭСИ, 2011.
7. **Индикаторы науки: 2014:** статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014.
8. **Burnham J.** The Managerial Revolution. What is happening in the world. N.Y., 1941.
9. **Гэлбрей**

REFERENCES

1. **Avdulov A. N., Kulkin A. M.** [Research in Russia on the eve of the collapse of the USSR]. *Filosofskie issledovaniya = Philosophy research*, 1993, no. 4. (in Russ.)
2. **Mendiukovich N.** [Russian science before and after 1991]. *Zolotoy Lev = Golden Lion*, 2007, no. 125-126 (in Russ.)
3. **Karpov E.** *Statisticheskoe issledovanie patentnoy aktivnosti v Rossi i stranah mira*. Diss. kand. ekon. nauk. [Statistical research of patent activity in Russia and other countries. Cand.Econ.Sci.thesis]. Moscow, 2014.
4. **Knizhnyy rynek Rossii. Otrasleyevoy doklad. Federalnoe agentstvo po pechati i massovym kommunikatsiyam** [The Russian book market. Industry report. Federal Agency for Press and Mass Communications]. Moscow, 2015.
5. **Gorbunov A. V.** [The book market of Russia, Ukraine and Belarus today]. *Universitetskaya kniga = University book*, 2015, no. 5. (in Russ.)
6. **Arkhipova M. Iu., Karpov E.S.** *Issledovanie mirovoy patentnoy aktivnosti* [The study of world patent activity]. IV Mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy forum "Innovatsionnoe razvitie rossiyskoy ekonomiki" [Proceedings of IV International Sci. Conf. "Innovative Development of Russian Economy"]. Moscow, 2011.
7. **Indikatory nauki: 2014: statisticheskiy sbornik [Indicators of Science: 2014: statistical publication]**. Moscow, National Research University "Higher School of Economics", 2014.
8. **Burnham J.** *The Managerial Revolution. What is happening in the world*. N.Y., 1941.
9. **Galbraith J.** *Novoe industrialnoe obshchestvo* [New industrial society]. Moscow, 2004.
10. **Bell D.** *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [Coming post-industrial society. Experience of social forecasting]. Moscow, 1999.
11. **Ashkerov A.** *Ekspertokratiya. Upravlenie znaniyami: proizvodstvo i obrashchenie informatsii v epohu ultrakapitalizma* [Expertocracy. Knowledge management: the production and circulation of information in the era of ultrakapitalizma]. Moscow, 2009.
12. **Towards Knowledge Societies**, UNESCO World. Report, Paris: UNESCO Publishing, 2005.
13. **Kostiuk K. N.** [How the professional content-based systems work]. *Nauchnaya periodika = Scientific periodicals*, 2015, Vol. 5, no. 2 (in Russ.)
14. **Castells M.** *Galaktika Internet* [Internet Galaxy]. Ekaterinburg, 2004.)
15. **Hohmann K., Blome-Dresen F.** *Ekonomicheskaya etika i etika predprinimatelstva* [Economic and business ethics]. Moscow, 2013.
16. **Igoshin I.N.** *Institutsionalnye iskazheniya* [Institutional distortion]. Moscow, 2013.
17. **Foris O.** Historical borrowing. Researchers have proved that transparency improves the quality of scientific papers. *Chastnyy correspondent = Private journalist*, January 19, 2015. Available at: http://www.chaskor.ru/article/istoricheskie_zaimstvovaniya_33399 (accessed May 10, 2016)
18. **Eremenko G.** Blame RISC? "Troitsky Variant"= *Troitskiy variant*, September 23, 2014, no.163. Available at: <http://trv-science.ru/2014/09/23/vo-vsem-vinovat-rints> (accessed May 15, 2016).
19. **Razumova I.** *Publikatsionnaya aktivnost v osnovnykh oblastyakh nauchnogo znaniya. Orientiry razvitiya rossiyskoy nauki i mery poi h dostizheniyu* [Publication activity in key areas of scientific knowledge. Landmarks of Russian science and the measures to achieve them]. Doklad na XVII mezhdunarodnoy konferentsii SCIENCE ONLINE [The Report at the XVIIth International Conference "SCIENCE ONLINE"]. 2013, Italy.
20. **Castells M.** *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [Information era: economy, society and culture]. Moscow, 2000.
21. **Vishnevsky A.** *Serp i rubl. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR*. [Hammer and ruble. Conservative Modernization in the USSR]. Moscow, 1998.
22. **Kasianova K.** *O russkom natsionalnom kharaktere* [On Russian national character]. Moscow, 1994.

23. **Kaplin R.** [ELS in libraries: a step forward without content]. *Universitetskaya kniga = University book*, 2014, no. 11 (in Russ.)
24. **Tapscott D.** *Grown up digital. How the net generation is changing your world.* NY, 2009.
25. **Firsov F. R.** Public resources: government initiatives and practical solutions. *Universitetskaya kniga = University book*, 2012, no. 5. pp. 46–52. Available at: <http://www.unkniga.ru/ostraya-tema/455-obshedostupnie-resursy.html>. (accessed August 8, 2015).
26. **Zarubina N. N.** *Sotsialno-kulturnye osnovy hozyaystva i predprinimatelstva* [Socio-cultural bases of economy and entrepreneurship]. Moscow, 1998.
27. **Blinkin M. Ia., Sarychev A. V.** *Kachestvo institutov i transportnye riski* [Quality of institutions and transportation risks]. Moscow, 2008.
28. **McLuhan M.** *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg Galaxy. Development of typing person]. Moscow, 2013.

Информация об авторе

Костюк Константин Николаевич – кандидат политических наук, генеральный директор издательства «Директ-Медиа» (117342, Москва, ул. Обручева, д. 34/63, стр. 1, e-mail: kkostjuk@directmedia.ru).

Принята редакцией: 13.06.2016

Information about the author

Konstantin N. Kostiuk – Candidate of Political Sc., Chief Officer of Publishing House Direct-Media (34/63 Obrucheva Str., Building 1, 117342 Moscow, e-mail: kkostjuk@directmedia.ru).

Received 13 June 2016